№ 78. (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ)

Ведь как во го́роди да во Киеви
А ведь у князя ли у Владимера
Был ли собран—то у него как поцестной пир,
А ведь приглашёны одны сильнии могуции бога́тыри.
А дождал ли то цести Ильюшенька,
А обнесли—то да Ильюшеньку,
А Илью—то впереди на пер—то не по́звали.
А ведь Ильюшеньки—то, ему, да зако́снулоси, —
Ведь ихней пер Ильи—то да не по разуму:
— «А ведь пойду ли я да средь города,
Проведу я пер во весельици.»
А ведь и сел ли Илья да середи города,
А закрицял ли Илья по—богатырьскому, —
А ведь окольници во гради поломалисе,
А терема—то во Ку́ёви да пошаталисе;
А второй раз крыкнул то,
А он крыкнул своим голосом богатырьскиим:
— «Яй же вы, да голюшки кабацькии,
А городскии вы голи, да посадскии,
А ведь собирайтесь—ко да среди города,
А среди города да вы на главну́ю на улицю!
А у меня ведь открыт для вас да поце́стной пир.
А и все пожалуйте, голи, без стисненьиця!
А ведь и я буду ли из туга́ лука́ постреливать!»
А натянул Илюшенька тетивку—то шелко́ву потягошенько,
А понаправил ён стрелоцьки прямёшенько,
А наця́л Илья маковки пощипывать,
А Илья наця́л маковки пощелкивать,
А ведь и стреламы те́ма по Киеву калеными.
А ведь у того ли у князя у Владимера
А набралосе к ёму́ да дорогих гостей,
А дорогих ли гостей, да все опо́роцьников.
— «Уж вы, голи мои, голи да кабацькии,
А городски вы голюшки, посадскии,
И вы таскайти золотыи да маковки
А вы же князя вы да Владимира,
А пропивайте на ви́на на разные,
А пропивайте на наливоцьки на сладкии!»
А тут Илья на ту с(ы)лаву на великую,

А на тую похвальбу на знаменитую,
А пробралось на Ильюшин пир побольше—ту,

А побольше, что у князя у Владимера;
А нацяли таскать трое день с утра ёны до вецера,
А пропивали золотые да маковки.
А ведь—ты ли пришла ноцька темная:
А не разбираютсе голи кабацькие,
А ведь пьют ли, гуляют целы сутоцьки.
А ведь наступил—то да второй—то день, —
А ведь ты голи кабацькии не убавле́итсе,
А вдвое, втрое их да ведь являетсе.
А говорит ли князь Владимер сто́льнё—киеський:
— «Вы ведь, не тот нам пир—то, не на пользу ведь,
А на такую ён беду нам на великую!
А разобьют нашу полату белокаменну.
Ай вы, сильнии могуци бога́тыри,
А вы идите—ко да упросити—ко,
А упросите—ко вы да Ильюшеньку!»
Ведь среди—ко их а никто нейде́:
Как тут ста́ршой ту́литсе за среднего,
А от меньшего да князю ответу нет,
А нацяли просить Добрынюшку Микитиця.
А ведь и тот—то ни был да похрабря́е всих,
А похрабря́е он всих да посмиля́е он всих.
— «А как пойду я просить брата да подкрестового?
А ведь не смею зайти да я ведь с лиця,
А пойду я ведь с заду, захвацю плеця́.»
А как захватил за пле́цька за могуции,
А как говорит Добрыня да таковы слова:
— «А ведь прости меня, да хрестовой брат!
А я пришол просить ко князю ко Владимеру:
Он извеняетсе, князь, прощаетсе,
А что ведь тебе не пре́дложил,
А не по́звал тибя за дорога́ гостя́,
А хотел он после позвать, — да за бесцесье клал!»
А обернулсе—то да Ильюшенька:
— «А ведь если бы ты спереду зашел, да крестовой брат,
То убил бы я тибя да и сразу—то,
А и тут ведь Ильюшеньку приутешил ведь.»
— «А усмирись—ко, Илья, не разоряй цяря!

А ведь и оны вси да перепалисе.
А разобьешь ты полату белокаменну, —
А ни прощу тибя я, Добрынюшка.»
— «А уж вы, голи, вы, голи кабацькии,
А допивайте—ко да продавайте—ко,
А ведь боле я не буду прибавлять—то да маковок!»
А ведь тут—то голи да кабацькии
А разделили, что лежало—то по городу.
(Маковки—то разделил).